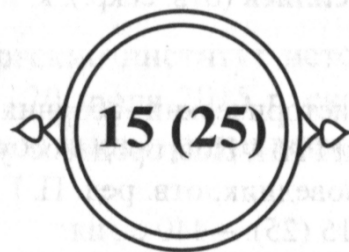

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ РАН
НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО
НОВГОРОДСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

**НОВГОРОДСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
СБОРНИК**

Основан в 1936 году

Возобновлен в 1982 году

Великий Новгород
2015

ТЕСОВСКАЯ ДВОРЦОВАЯ ВОЛОСТЬ XVII ВЕКА И ПРОБЛЕМА ВЕРХНЕОРЕДЕЖСКИХ ИЖОРЦЕВ¹

В XVII веке значительное число перебежчиков из-за шведской границы было расселено московскими властями внутри государства. Преимущественным местом, где могли укрыться перебежчики, были дворцовые и монастырские волости. В 1660-е гг. в непосредственной близости от границы была создана новая дворцовая Тесовская волость, соседствовавшая с небольшой вотчиной Троицкого Зверинского монастыря. Селившиеся здесь перебежчики преимущественно из Копорского уезда и ижорских погостов заселили пустовавшие с начала XVII века деревни. Здесь сформировался верхнеоредежский диалект ижорского языка. Жители дворцовых деревень становились первым объектом нападений в годы приграничных столкновений в первые годы Северной войны.

С 1580-х гг. северо-западные районы Новгородской земли нередко меняли свою политическую принадлежность. Граница Московского государства и Швеции, подвижная и проницаемая в начале Нового времени, сформировала специфический облик приграничья. Применительно к Карельскому участку этот вопрос довольно подробно рассмотрен в статьях К. Катаялы и Ю. Кокконена². Обращу внимание на южный, ингерманландский участок.

В системе администрирования Новгорода выделялись дворцовые и монастырские волости. Эти территории не подчинялись новгородским воеводам, но находились в ведении особого новгородского дворцового дьяка, подчинявшегося приказу Большого Дворца в Москве. Во время повальных розысков беглых в феврале–марте 1623 г. и весной 1636 г. дворцовые и монастырские волости имели иммунитет: без санкции дворцовых властей сыщики новгородских воевод не могли искать там

---

¹ Данная статья написана в рамках проекта РГНФ 15-01-00205/15 «Русско-шведская граница в Ингрии XVII века: историко-географические исследования»

² *Kokkonen J.* Überlokale Kontaktflächen der Grenze. Die nördlichen Grenzgebiete zwischen dem Schwedischen Reich und dem Großfürstentum Moskau im 17. Jahrhundert' // *Kirchliche Zeitgeschichte. Internationale Zeitschrift für Theologie und Geschichtswissenschaft. Grenzen als Barrieren – Grenzregionen als Chancen. Das Beispiel Karelien.* Bd. 23. 2010. Nr. 1. P. 633–654; *Kimmo Katajala, Suurvallan rajalla: Ihmisiä Ruotsin ajan Karjalassa. Historiallinen Arkisto 118. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura: Helsinki, 2005; Kimmo Katajala K.* The Origin of the Border // *Vid Gränsen: Integration och identitet i det förnationella Norden.* Göteborg, 2006. P. 86–106.

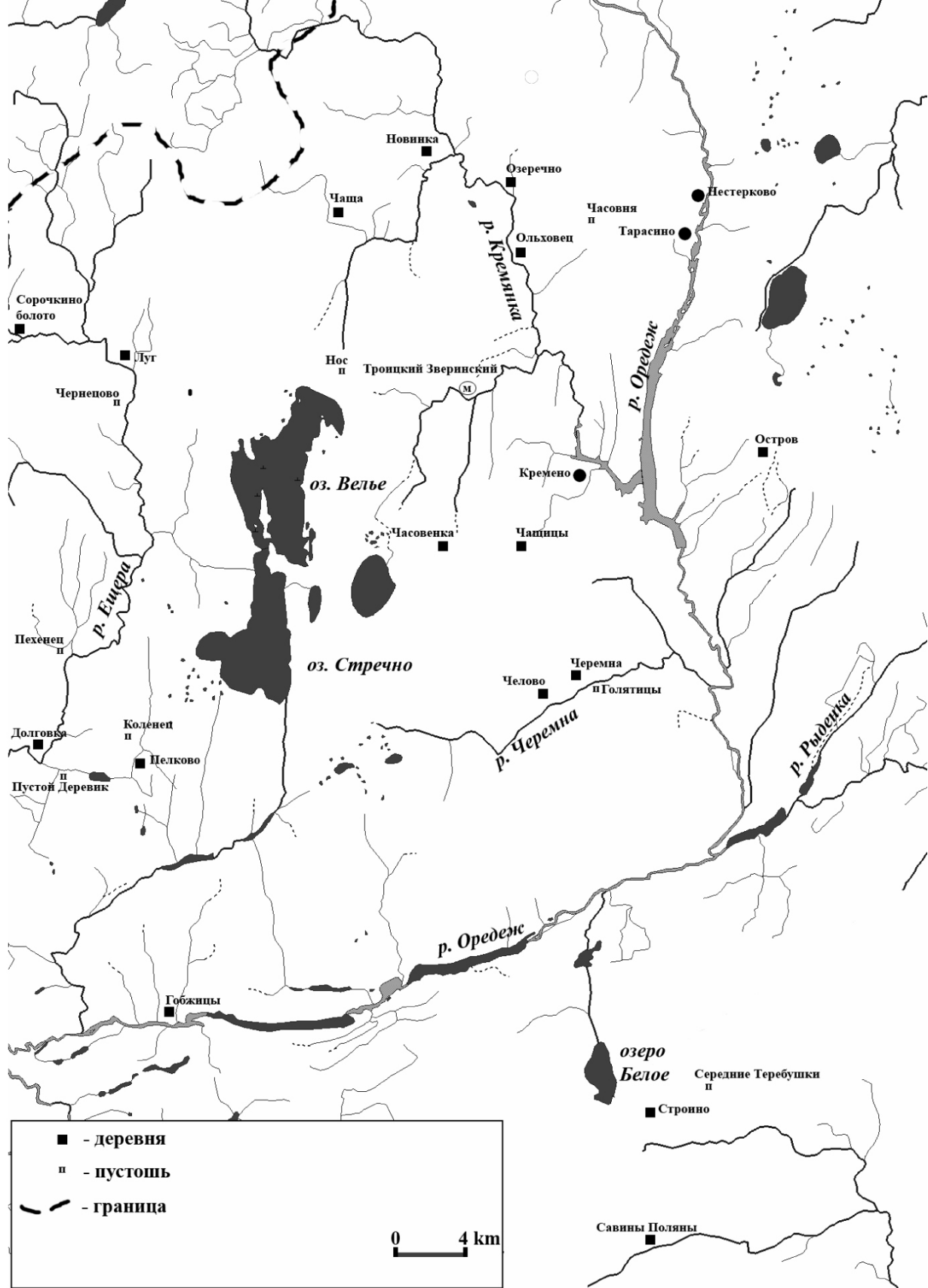

Рис. 1. Тесовская волость

перебежчиков. Конфликты на этой почве известны по делопроизводительной документации этого времени.

В 1620–1630-х гг. на Новгородской земле такими волостями были Ракомо, Трясово, Валдай, расположенные сравнительно далеко от границы. Московские власти предпринимали невероятные усилия по сокрытию перебежчиков, которые усиливались при проезде шведских посольств по районам, плотно заселенным перебежчиками. После Валиесарского перемирия и, позднее, Плюсского мира, у администрации Ингерманландии и Карелии уже не доставало политической воли для возвращения перебежчиков, ушедших в Московское государство в годы войны и после нее. Последний серьезный демарш по такому возвращению был предпринят во время посольства Г. Оксешерны в Москву в 1673 г. Именно в это время в Новгороде было принято решение сформировать Тесовскую дворцовую волость.

Местность Тесово – с XIII в. один из важнейших земледельческих районов Новгородской земли. Здесь на протяжении столетий наблюдается чрезвычайно стабильная система расселения: не возникает сложностей с локализацией деревень XVI в.: почти все они сохранялись до конца XIX в. В конце XV в. волость была отнята у новгородского Софийского дома и передана в дворцовое ведомство. В 1530-е гг. вместе с некоторыми другими новгородскими дворцовыми волостями Тесовская волость была роздана в поместья. В 1570-х гг. из некоторых деревень бывшей Тесовской волости была вновь создана дворцовая волость, в 1580-х она была серьезно увеличена³. Тесовская дворцовая волость, несмотря на то, что лежала вокруг большой дороги, соединявшей Новгород с Ивангородом и Нарвой, оставалась в течение 1611–1617 гг. одним из самых благополучных районов Новгородской земли. В эти годы она была укреплена: там возникло сначала укрепление на яму, затем – в д. Пантелеевичи, и, наконец, в 1614 г. – Тесовский острог.

В 1649 г. Тесовская волость была обменена новгородскому митрополиту Никону на Олонецкую волость, где был поставлен город Олоонец. С этого времени и вплоть до передачи архиерейских волостей в экономическое ведомство Тесовская волость – владение Софийского дома. Но в 1669-е гг. была создана новая Тесовская дворцовая волость из пустошей, заселяемых за счет выходцев из-за рубежа. Эти пустоши находились преимущественно к северо-западу от Тесовской митрополичьей волости. Кроме того, в ее состав были включены ставшие деревнями бывший Чащинский и Череманский монастыри, Чащинский ям Ивангородской дороги, известный с конца XVI в.⁴

В этом месте русско-шведская граница была проведена с нарушением договоренностей, достигнутых в Столбове. Запустевшие еще в 1570–80-х гг. деревни в болотах и водоразделах, преимущественно во-

---

³ Подробно: *Селин А. А.* Источники по истории сельского расселения XVI в.: Тесовская волость // *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность*: Редактор и текст. Вып. 3. СПб., 2000. С. 207–232.

⁴ Подробнее: *Селин А. А.* Ивангородская дорога. СПб., 1996.

круг озер Велье и Стречно, относились к Копорскому уезду, который полностью должен был отойти к Шведскому королевству. Однако московским комиссарам удалось, используя «своих» «старожильцев», размежевать эти пустынные места к Московскому государству. Возникшая в 1660–70-х гг. на месте приграничных пустошей Тесовская дворцовая волость включала в себя деревни Сорочкино Болото, Луги и Чернецово. Все эти селения в 1500 г. числились в Орлинском и Грезенском погостах Копорского уезда⁵. Шедшие с межевщиками русские старожильцы говорили послам, что старожильцы шведской стороны «по тому месту меж не знают», и обе комиссии шли по пути, указываемому старожильцами русской стороны⁶.

Размещением перебежчиков на территории Новгородского уезда (как приграничной, так и внутренней) со стороны центральной власти занимался Дворцовый приказ. Именно он ведал поселением на дворцовых землях выходцев из-за шведской границы. Поселение фиксировалось в специальных селидьбенных книгах. Селидьбенные книги составлялись с целью фиксации участков выделяемых вновь в дворцовых и монастырских имениях новопоселенцам. Эти документы составлялись в Поместном приказе. Сборники селидьбенных книг, как правило, включали в себя материалы мероприятий одного года; их материалы не создают целостной картины расселения в той или иной волости. Так, в селидьбенной книге 1658/59 г. за скрепой дьяка Петра Кудеярова описаны участки, выделенные новопоселенцам в софийской Тесовской волости (в деревнях Филипповичи, Жерядки, Пристани, Клюкошицы), вотчине Зверина монастыря (деревня Кремено), поместных деревнях (Коростыня Будковского погоста), дворцовой Тесовской волости (деревня Савкино Егорьевского погоста, Новинки)⁷. В том же сборнике селидьбенных книг содержатся также данные о поселении вновь прибывших жителей в Силосарской и Сомерской дворцовых волостях, Быстревском погосте Шелонской пятины, Локоцком погосте Деревской пятины. В Новгородском дворцовом приказе к концу XVII в. существовал особый селидьбенный стол (в 1699 г. известны не получавшие оклад подьячие этого стола Федор Скроботов, подьячий средней статьи, служивший с 1691/92 г., и Иван Федоров, служивший с 1676/77 г.⁸).

Данные грамоты новгородского дворцового ведомства выдавались новопоселенцам, как правило, на «кость земли» – участок неясного размера, видимо, соответствовавший однодворному крестьянскому хозяйству. В данной грамоте от 6 марта 1659 г. выходцам из-за шведской

---

⁵ Обзор несохранившейся части писцовой книги с описанием Богородицкого Дягиленского, Спасского Орлинского и Никольского Грезневского погостов // ПКНЗ. М., 1999. Т. 1. С. 102–104.

⁶ Отписка С. Жеребцова в Посольский приказ о том, как шло размежевание, о спорных местах и о своем ожидании в Ложголове государевых верящих грамот. 1618. 4.01 // РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 9. Л. 239–249.

⁷ РГАДА. Ф. 1209. Д. 17142. Л. 177 об.–187 об.

⁸ Обыскные книги (годовые сметные росписи) Новгорода, Ладоги, Порхова. 1698 // Архив СПбИИ. Кол. 115. Оп. 1. Д. 324. Л. 17.

границы предлагалось жить «на кости земли» на пустоши Новое Село (в Никольском Будковском погосте) и в Никольском Грезенском погосте на пустоши Сорочкино Болото⁹. Позднее жившие в деревне крестьяне переселялись на другие пустующие участки в окрестностях: 7 июня 1681 г. было дано «ис пуста в жило под паренину Спаского погоста, что на Оредежи деревни Сороскина крестьянину зарубежскому выходцу Якушке Лукину в той же погосте в пустоши Владычне да в пустоши Липове... и ему Якушку на той своем новоживущем участке на пустоши Владычне двор поставить и пашни распахать и поле огородить...»¹⁰.

После окончания русско-шведской войны 1656–1658 гг. число крестьян-претендентов на пустые земельные участки серьезно выросло. Неоднократные указы 1656/57, 1669/70, 1678/79 г. предписывали местным властям (в частности – новгородским) выделять подряжающимся на новые участки крестьянам выделять пустые земли, невзирая на их прежнюю принадлежность: «...в новгородском уезде по дозорным книгам поместных пустых земель, которые промеж наших дворцовых земель, а пристойны те земли нашим дворцовым крестьяном и зарубежским выходцам в селидбу, помещикам никому в поместье не давать и в вотчину продавать не велено, для того, что дворцовые крестьяне многие поселясь живут не на хлебородных местах помного да сенные покосы и всякими угоды скудны и впредь на тех пустых землях велено селитца и рощищать дворцовым крестьяном и зарубежским выходцам кореляном...»¹¹. В 1668 г. Дворцовый приказ принял меры по переселению бывших жителей Ингерманландии, записавшихся в крестьяне новгородских монастырей, помещиков и вотчинников, на дворцовые земли. Для этого в Новгород были специально командированы путный ключник Парфений Пятого и стряпчий Сытного дворца Семен Комсин¹². Меры против живущих за частными владельцами выходцев из-за рубежа предпринимались и позднее. По указу 1681/82 г. с каждой семьи переселенцев было приказано взыскать в Приказ денежного сбора по 41 рублю 20 алтын, а отказавшихся платить – переселить в дворцовые волости. Бенефициарами здесь оказывались те выходцы, которые, получив от помещиков ссуду при подряде на крестьянский участок, после этого указа могли переселиться на дворцовые земли. Для сыска корелян в волости был послан дворцовый дьяк Гаврило Федоров. Ему вменялось при обнаружении корелян, переселившихся после составления переписных книг 1649/50 г., расспрашивать, когда они вышли на «госуда-

---

⁹ Данная зарубежским выходцам 167 г. // *Гневушев А. М.* Новгородский дворцовый приказ в XVII в. М., 1911. С. 12.

¹⁰ Данная зарубежскому выходцу. 7 июня 1681 г. // *Гневушев А. М.* Новгородский дворцовый приказ в XVII в. М., 1911. С. 27–28.

¹¹ Спорное дело в владении землей между дворцовыми крестьянами и помещиком Пушкиным. 27 мая 1700 г. // *Гневушев А. М.* Новгородский дворцовый приказ. М., 1911. № 46. С. 30–34.

¹² *Гневушев А. М.* Новгородский дворцовый приказ в XVII в. М., 1911. С. 5.

реву» сторону. В 1698/99 г. подал челобитную выходец Стенька Иванов сын Амосов. В «немецкое разоренье» (то есть в войну 1656–1658 гг.) его отец вышел на московскую сторону; они оба с отцом взяли ссуду и поселились в Новгородском уезде в Спасском Рождественском погосте за помещиком Иваном Федоровым сыном Резановым. По их словам, вдова Резанова Марфа Никитина дочь «их обневолила в крестьянстве хочет»¹³, таким образом они хотели избежать возвращения ссуды и переселиться на новое место, в дворцовые земли. Новгородский дворцовый приказ отправлял своих приставов в дворцовые села, которые наряжали крестьян на пустые земельные участки¹⁴.

Анализ описания Тесовской дворцовой волости 1674–1676 гг.¹⁵ показывает, что пустовавшие со времен Смуты деревни Климентовского Тесовского, Спасского на Оредеже и Никольского Будковского погостов вдоль шведской границы заселялись выходцами из-за рубежа, преимущественно из Копорского уезда. Тесовская дворцовая волость не образовывала собой цельного массива деревень: она была составлена дворцовыми дьяками из пустовавших земель разного статуса, на которые Новгородский дворцовый приказ с 1660-х годов стал выдавать крестьянам-перселенцам порядные на земельные участки. Основные источники по истории заселения Тесовской дворцовой волости: 1) крестьянские порядные и документы дворцового приказа о наделении землей перебежчиков; 2) селидьбенные книги; 3) писцовая книга 1674–1676 гг. 4) документы по перебежчикам из Карелии и Ингерманландии, подготовленные для посольства 1673 г. Специфика документов XVI–XVII вв. заключалась в том, что они почти никогда не указывают на этническую принадлежность крестьян.

Крестьяне Сорочкина Болота, поселившись на территории, которая была незаконно примежевана к Московскому царству, оказались заложниками поземельных конфликтов с соседями: ко второй половине XVII в. заброшенные в Смуту земельные угодья активно возобновлялись на обеих сторонах границы; дело шло к возникновению дефицита в используемых площадях, а значит – к спору за старинные заброшенные пашни и сенокосы. Крестьяне дворцовой Тесовской волости жаловались на то, что в 1685 г. их землю шведские подданные начинают примежевывать к себе, ставят там дворы, начинают пахать землю: «Грязенского погоста деревни Сорокина Болота в стороне великих государей за межею на розсечки той деревни Сорокина крестьянина Мелешки Федорова на пашенной земли иноземец Лемет землю завладел на семнатцать десятин. И на той земли двор построили насильством. Да Свейские ж земли Орлинской волости деревни Ещеры крестьяне Сипейко да Юганко в той пустоши Ещеры половиною государевою землею за ме-

---

¹³ Гневушев А. М. Новгородский дворцовый приказ в XVII в. М., 1911. С. 49–50.

¹⁴ Там же. С. 67.

¹⁵ Писцовая книга новгородских дворцовых сел, погостов и рядков письма, меры и межевания писца Ф. В. Нащокина и подьячих В. Баристова и М. Полуженинова. 1674–1676 гг. // РГАДА. Ф. 1209. Д. 763.

жею же и за речкою Ещерой пашней Куземкиными Нивами и пустошью Липовым да пустошью Кемском по засеvu четвертей на десять и сеными покосами по тем пустошам и животинными ухожи и всякими угоды насильством завладели. И тем их крестьян той деревни Сорокина Болота они иноземцы оскудали, и з жилья згоняют, и в том им от них великое истеснение и разорение немалое»¹⁶. Собственно земли, на которые претендовали шведские подданные, по букве Столбовского договора должны были им принадлежать.

Писцовые книги традиционно привлекаются для того, чтобы очертить район проживания той или иной финноязычной народности¹⁷. Подчас это вполне продуктивно: когда О. И. Конькова связывает топонимы Пелгуй, Пеллюй писцовых книг с легендарным вождем ижоры XIII в. Пелгусием. Однако эти указания, действительно содержащие данный корень, не свидетельствуют напрямую о связи с житийным персонажем, но, скорее, говорят об общем культурном пространстве, видимо, действительно ижорском. Возможно, что прозвища «чудин», «ижерянин», встречающиеся в источниках XV–XVI вв., указывают на жительство человека в иноязычной (видимо – русской) среде, тогда как однородное ижорское (или иное чудское) население не будет иметь таких указаний. Иначе обстоит дело с заселением пустующих территорий в XVII веке: здесь этнические процессы шли в связке с изменением политической ситуации, а именно – функционированием границы. Если переселение карел во внутренние области Московского государства достаточно хорошо изучено¹⁸, то локальное этническое явление, протекавшее на Верхнем Оредеже, – нуждается в исследовании.

Пути миграции населения Ингерманландии вглубь территории Московского государства исследованы достаточно хорошо. В работе В. Салохеймо показаны основные направления миграции корельского и ижорского населения, по данным следствий шведской администрации первой половины – середины XVII в.¹⁹ О. И. Конькова утверждает, что накануне и во время войны 1656–1658 гг. Ингерманландию покинуло до 28 000 человек. Подготовленные к посольству Г. Оксенштерны 1673 г. росписи ушедших в Московское государство перебежчиков²⁰ показывают, что лишь четверо ушло в Тверской уезд. Среди мест расселения выходцев из Ингерманландии преимущественно: Тихвин, Шелонь, Де-

---

¹⁶ Списки сказок об обидных делах, причиненных шведскими подданными российским, подготовленные для посольства думного дворянина П. И. Прончищева с товарищами. 20 апреля 1685 г. // РГАДА. Ф. 96. Посольские книги. Д. 121. Л. 87–88.

¹⁷ Конькова О. И. Ижорские могильники // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985; Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб., 1997.

¹⁸ Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956; Saloheimo V. (ed.) *Bezhetskin ylängön karjalaisluettelo vuosilta 1650–1651*. Joensuu, 1992.

¹⁹ Saloheimo V. Ruotsin suurvallan aikainen poisuutto itäisiltä voittomailta: Lähteitä ja tutkimusongelmia // *Liikkuvuutta suurvallan paineessa*. Joensuu, 1996. P. 7–33; особенно – статистика в таблице на с. 30.

²⁰ Saloheimo V. *Käkisalmen läänistä ja Inkerinmaalta ruptuurin aikana 1656–58 paeneet ja poisviedyt*. Joensuu, 1995.

ревская пятина, Новгород²¹. Специфика этих документов, впрочем, в том, что указания на места, куда бежали подданные шведской короны, даны с разной степенью точности. Часто упоминавшийся «Новгород» мог обозначать, скорее всего, любую точку на огромной Новгородской земле. Сложно судить, возможна ли большая детализация. На сегодняшний день корреляция между списками, составленными шведской администрацией для предполагавшихся разменов и имеющимися подобными источниками, составлявшимися русской стороной, не прослеживается. Еще сложнее, почти невозможно, выявить в имеющихся документах данные об этничности переселенцев.

Шведская администрация Ингерманландии XVII в. уделяла важное место этническому составу подвластной территории²². В 1680-е годы началась серьезная борьба за религиозную сегрегацию и конверсию в Ингерманландии, обычно связываемая с именами суперинтенданта Гезелиуса младшего и губернатора Йорана Сперлинга²³. К. Оландер связал рост религиозной борьбы в восточных провинциях королевства с указом Карла XI от 4 мая 1683 г. Король предложил пасторам привлекать ижору и водь к посещению лютеранских церквей в дни больших праздников и обязать пасторов наставлять тех в вере у себя дома и в деревнях. Одновременно следовало запретить православным священникам совершать требы у православных финном и брать за это деньги. За переход в лютеранство следовало освобождение на 60 лет от подушной подати (впрочем, это королевское указание никогда не исполнялось)²⁴. Известный сторонник распространения лютеранства в этой части королевства пастор Гезелиус специально обследовал в августе 1684 г. водские и ижорские деревни на шведской территории; именно им была произведена первая локализация селений с ижорой²⁵. Гезелиусу, по его словам, удалось крестить до тысячи ижорских детей, принудить к принятию лютеранства до 3 тысяч жителей, включая несколько целых приходов²⁶. Политика сегрегации православных подданных короны по этническому признаку, проводившаяся Гезелиусом-младшим, оправдывалась недоверием к русским православным священникам, которые действовали против интересов королевства во время войны 1656–1658 гг.²⁷

---

²¹ Конькова О. И. Ижора. Очерки истории и культуры. СПб., 2009. С. 73.

²² Isberg A. Svensk segregations- och konversionspolitik i Ingermanland 1617–1704. Uppsala, 1973.

²³ Naber J. Motsättningarnas Narva... С. 12.

²⁴ Старицын А. Н. Шведские староверы // Старообрядчество. История, культура, современность. Т. 1. М., 2014. С. 5–16.

²⁵ Mikkola J. J. Inkerinmaan kreikanuskoisten käännytykstä vuosina 1683–1700 // Historiallinen Arkisto. XXXIX. 5. Helsinki, 1932. S. 26–31. Цит. по: Конькова О. И. Ижора. Очерки истории и культуры. СПб., 2009. С. 70. Исследовательница связывает район миссии Гезелиуса с данными об ижорских поселениях 1784 г.

²⁶ Конькова О. И. Ижора. Очерки истории и культуры. СПб., 2009. С. 77.

²⁷ Isberg A. Svensk segregations- och konversionspolitik i Ingermanland 1617–1704. Uppsala, 1973 (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia historico-ecclesiastica Upsaliensia; 23).s. 100); Naber J. Motsättningarnas Narva. Statlig svenskhetspolitik och tyskt lokalvälde I ett

Гезелиус предписывал пасторам не реже раза в месяц заниматься обучением финнов основам лютеранской веры. Православным запрещалось общаться с лютеранами. Пасторы должны были следить за тем, чтобы ижорцы и вожане не посещали православных молений, увещевать отказаться от нательного креста, соблюдения постов. Выгоды, которые сулили пасторы: отмена выкупа невесты, освобождение от платы за православное духовенство. 12 мая 1684 г. было опубликовано жесткое воззвание губернатора Сперлинга. И крестьяне, и дворяне препятствуют деятельности Гезелиуса. Запрет ижоре и води посещать иные богослужения, кроме лютеранских. Только говорящие на русском могут считаться православными. Запрет священникам проповедовать у финнов²⁸.

Именно со Сперлингом связано предание о противостоянии православных ижор и местной администрации. Губернатор, поставивший себе задачу запретить ижорам и води посещать православные праздники и обряды, натолкнулся на отпор: ижорец Тимофей Кусма, в кандалах, силой приведенный к шведскому посланнику Гендриксону, «стал ругать лютеранскую веру, креститься и кланяться по-православному»²⁹. От Гезелиуса прятались в лесу и жители Ниена, в июле–августе 1684 г. было много и других случаев сопротивления³⁰. Один из таких случаев – неоднократно описанное в литературе столкновение собравшихся в церкви Преображения на Неве крестьян невских деревень и шведской администрации; явившиеся пробст и сыщик остановили богослужение и арестовали четырех крестьян-ижорцев и священника в результате насилия – пострадавшие обратились к королю Карлу XI³¹. Гезелиус мог доложить (и докладывал) и о своих успехах: 1000 детей крещено, 3000 обращено в лютеранство, в том числе целиком несколько бывших православных приходов³².

Особое место в гонениях на православных принадлежит ижоре. Существуют разные взгляды на формирование ижорского языка. Наиболее авторитетным исследованием по этому языку, его диалектам следует признать работы А. Лаанеста³³. Специфика этих исследований – от этнографического, где фиксировалась статичная картина расселения, до автохтонистских концепций позднесоветской историографии, где максимально удревнялось время происхождения народа (появление ижоры возводилось чуть ли не к неолиту). Заявлявшаяся комплексность источ-

---

statsreglerat samhälle, 1581–1704. Uppsala, 1995 (Opuscula Historica Upsaliensia 15). С. 134.

²⁸ *Старицын А. Н.* Шведские старoverы // Старообрядчество. История, культура, современность. Т. 1. М., 2014. С. 5–16.

²⁹ *Конькова О. И.* Ижора. Очерки истории и культуры. СПб., 2009. С. 105.

³⁰ *Старицын А. Н.* Шведские старoverы // Старообрядчество. История, культура, современность. Т. 1. М., 2014. С. 5–16.

³¹ Челобитная православных подданных Ореховского уезда королю Карлу XI. 7192 г. // *Extranea*. 156:2.

³² *Конькова О. И.* Ижора. Очерки истории и культуры. СПб., 2009. С. 77.

³³ Там же. С. 213.

ников приводила здесь, скорее, к смешению реалий разных источников: особенности погребального обряда XII–XVII вв. связывались с зоной расселения ижоры XIX–XX вв. велся поиск ижорских имен в кадастровых документах XVII в. В целом, ижора остается наименее изученной группой из всех других народов на Северо-Западе России.

Безымянный автор «Топографического описания Санкт-Петербургской губернии» 1782 г. фиксирует 162 «души наречия Корельского» в егорьевской выставке Экономического ведомства, т. е. именно в районе Верхнего Оредежа³⁴. Академик П. И. Кеппен в 1840-е гг. фиксировал ижору во всех деревнях бывшей Тесовской дворцовой волости (в 1842 г. переселились из дер. Луги), Пелкова³⁵. Существенные уточнения в изучении ижоры – народа XIX–XX вв. – были сделаны И. Т. Федоровым, который, рассматривая верхнеоредежский диалект, указывает на его близость с шведским языком³⁶. По данным О. И. Коньковой, именно эта группа ижоры долго сохраняла архаичные черты в быту, однако примерно с 1980-х гг. утратила ижорский язык полностью³⁷.

Советские и российские историки и археологи XX в. в попытках реконструкции исторической географии племен Северо-Запада Новгородской земли стремились точно очертить границы соответствующих племен, деля данную территорию на Водскую, Ижорскую, Лопскую земли. Позднее появилось Ладожская земля (вар.: Ладожское ярлство)³⁸. В недавнее время О. И. Конькова подвергла серьезной критике такой подход, разведя понятия «расселение ижоры» и «Ижорская земля». Конькова справедливо полагает, что если первое понятие несет этническую нагрузку, то второе отражает административные (лучше, видимо, сказать – территориальные) реалии и имеет лишь опосредованное отношение к этнониму «ижора». Имеющиеся источники позволяют прийти к неутешительному выводу: мы не можем определить даже приблизительно границы территорий средневековой Новгородской земли³⁹.

Особенно дискуссионным является вопрос о возникновении «оредежского» диалекта ижоры. О. И. Конькова критикует мнение о появлении этой группы в верховьях Луги и Оредежа после Столбовского мира, в результате миграции населения из Ингерманландии. Аргументация О. И. Коньковой о более раннем проникновении ижоры на эту территорию базируется на следующих данных. Прежде всего она опирается на топонимический материал. Важным аргументом, по

---

³⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18999. Цит. по: Конькова О. И. Ижора. Очерки истории и культуры. СПб., 2009. С. 84.

³⁵ Кеппен П. И. Селения, обитаемые ижорами в Санкт-Петербургской губернии // Ученые записки Императорской Академии наук по I и III отд. 1853. Т. 2. Вып. 3. С. 412–422.

³⁶ Федоров И. Т. Расселение ижоры в XIX–XX веках // СЭ. 1983. № 5. С. 97–104.

³⁷ Конькова О. И. Ижора... С. 89–90.

³⁸ Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская волость в период раннего Средневековья // Славяне и Русь. Киев, 1979. С. 92–106.

³⁹ Конькова О. И. Ижора... С. 54–55.

О. И. Коньковой, является термин «изори». Исследовательница полагает, что это слово вошло в ижорский язык как ижорское переосмысление русского названия «ижора», применительно к самоназванию – «ингере» («изори» отмечено в поздних самоназваниях сойкинской и оредежской группировок ижоры). Впрочем, приводимые О. И. Коньковой примеры топонимов типа «Изори у погоста», которые исследовательница связывает с ареалом распространения ижоры, не может нас удовлетворить: география таких топонимов значительно шире⁴⁰. Второе топонимическое наблюдение О. И. Коньковой заключается в фиксации значительного числа прибалтийско-финских топонимов в соседних с верхнеоредежской группой Будковском и Тигодском погостах. Это дает возможность говорить о более широком расселении ижоры в этом районе ранее 1617 г.⁴¹ В качестве еще одного аргумента в пользу этого вывода исследовательница приводит археологически выявленный грунтовый могильник в д. Озерешно (карта), подобный исследованным ею ижорским могильникам Сойкинского полуострова⁴². Однако время возникновения могильника в Озерешно неизвестно; следовательно, его нельзя однозначно отнести к периоду до 1617 г. Конькова полагает, что ареал средневековой ижоры значительно больше, чем считалось ранее, поселения ижоры доходили до реки Лавы на востоке, а само расселение было чрезвычайно стабильным в XI–XVI вв.⁴³ Полагаю, что для такого вывода мало данных. Пути решения здесь разные; в любом случае следует учитывать те изменения, которые происходили в этом районе в течение XVII в. Примечательно, что ни по данным П. И. Кеппена 1848 г., ни по данным более поздним на территории Новолadoжского уезда (к востоку от р. Лавы) не было селений, населенных ижорами; вместе с тем это – район плотной прибалтийско-финской топонимии⁴⁴.

Важным является наблюдение О. И. Коньковой о том, что идентичность ижоры в XIX–XX вв. соотносилась с представлениями о «шведском времени»: локальная микротопонимия и пространственная мифология включала в себя тексты о «Понтусовых дорогах», «шведских могилах»; важное место занимал комплекс преданий о «шведской границе»⁴⁵.

---

⁴⁰ Деревни Изори в Торопецком районе Тверской области, улица Изори в д. Вашково Новгородского района Новгородской области и мн. др. Этимология слова «изори» восходит к «изорать», по В. И. Далю: «вспахать» (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. СПб., 1863. С. 32).

⁴¹ Конькова О. И. Ижора... С. 59.

⁴² Там же. С. 56.

⁴³ Там же. С. 60.

⁴⁴ Кулешов В. С. «Лопьская проблема» и топонимы Южного Приладожья // Старолadoжский сборник. Вып. 4. СПб.; Старая Ладога, 2001.

⁴⁵ Конькова О. И. Ижора... С. 68–70.

Сравним данные П. И. Кеппена 1848 г. по ижорам Лужского уезда с селениями Тесовской дворцовой волости 1674–1676, 1709, 1718, 1748 и 1791 гг.

Таблица 1

1674–1676	1709	1718	1748	1791	1848
д. Остров	д. Остров	д. Остров	д. Остров	д. Остров	
д. Черемна, что бывал монастырь Череменской на рч Черемне	д. Черемна	д. Черемна	д. Черемна		
пчбд Голятицы за рч Череменкою					
д. Челово	д. Чолова	д. Челова	д. Челово	д. Чолова	
д. Пелкова на рч на Меленке			д. Пелково	д. Пелкова	д. Пелкова
п. Коленец (Колцова), приписная к д. Пелковой					
д. Луг на речке на Ещере	д. Луг	д. Луг	д. Луг	д. Луг	д. Луги
п. Чернецово					д. Черницы (в 1842 г. переселились из д. Луги)
д. Олховец на рч на Кремьянке	д. Олховец	д. Олховец	д. Олховец	д. Олховец	д. Олховец
д. Озеречна на рч на Кремьянке	д. Озерешно	д. Озерешна	д. Озерешны	д. Озеречна	д. Озерешно
п. Часовня					
д. Новинка на рч на Ещере	д. Новинки	д. Новинка	д. Новинка		д. Новинка
д. Чаща, чб п. Чаща на р. на Чащинке	д. Чаща	д. Чаща	д. Чаща	д. Чаща	д. Чаща
пчбд Нос	д. Нос	д. Нос		п. Нос	
д., чб п. Чащицы					
д., чб п. Часовенка					
д. Долговка	д. Долговка	д. Долговка	д. Долговка	д. Долговка	

п. Пустой Деревик на Тальце				п. Деревенна	
п. Пехенец на речке на Ещере		д., чб п. Пехенцо		д. Пехенец	
д. Гобжицы	д. Гобжица	д. Гобжицы	д. Гобжицы	д. Гобжица	
д. Строино	д. Строино	д. Строины	д. Строино	д. Строино	
д. Савины Поляны	д. Савины Поляны	д. Савины Поляны	д. Савины Поляны	д. Поляны	
п. Средние Теребушки					
д. Сорочкино Болото	д. Сорочкино		д. Сорочкино	д. Сорочкино	
					д. Нестерково
					д. Тарасино
					д. Кремено
					д. Воцко (Новоселки)
					д. Низовка (в 1840 г. переселились из д. Чаща)

Источники: Писцовая книга новгородских дворцовых сел, погостов и рядков письма, меры и межевания писца Ф. В. Нащокина и подьячих В. Баристова и М. Полуженинова. Список. 1674–1676 гг. // РГАДА, Ф. 1209. Д. 763; Переписная книга помещичьих, вотчинных, монастырских и дворцовых крестьян, церковнослужителей Водской пятины Новгородского уезда А. Н. Селиванова. 1709 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8576. Л. 1–670; Переписная книга церковнослужителей, помещичьих, монастырских, архиерейских, дворцовых крестьян, монастырских слуг и работников, ямщиков и другого населения Корельской и Полужской половин Водской пятины Новгородского уезда. 1718 // РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 283. Л. 44–2278; Переписная книга архиерейских, монастырских, дворцовых и помещичьих крестьян Вотской пятины Полужской половины Новгородского уезда. 1748 // РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2164; Атлас Санкт-Петербургской губернии. 1791 // РГИА. Ф. 1350, Оп. 312. Д. 25; Экономические примечания к плану Лужского уезда. 1791 // РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 122; *Кеппен П. И.* Селения, обитаемые ижорами в Санкт-Петербургской губернии // Ученые записки Императорской Академии наук по I и III отд. 1853. Т. 2. Вып. 3. С. 412–422.

Данные таблицы говорят о следующем. Значительная часть деревень Тесовской волости XVII–XVIII вв. в середине XIX в. были населены ижорцами; вместе с тем есть деревни, заселенные в 1670-е гг. «зарубежскими выходцами», где ижорского населения к середине XIX в. не было (Остров, Челово, Черемно, Гобжицы). Среди ижорских деревень XIX в. несколько (Нестерково, Тарасино, Кремено) не входили в Тесовскую дворцовую волость. Они были вотчиной Троицкого Зверинского монастыря. Третья группа деревень – Луги, Черницы, Низовка), где в середине XIX в. Кеппен зафиксировал ижорское население, возникли в XVII–XVIII в. на пустошахосвоенных выходцами из ижорских деревень Тесовской дворцовой волости⁴⁶.

Сделанные наблюдения не сильно помогают для реконструкции мест обитания ижоры до Смутного времен. Сегодня нельзя ясно сказать, была ли территория Тесовской дворцовой волости заселена ижорцами до Ливонской войны или нет: видимо, население здесь полностью сменилось. Моей задачей было лишь очертить направления изучения верхнеоредужской группы в XVII в. Возможный путь развития исследования – семейная история конца XVII – начала XVIII в. сложности: серьезные трансформации, которое это пространство претерпело в годы Северной войны, став зоной острых приграничных конфликтов. Однако в 1730-е гг. Тесовская дворцовая волость была передана во владения Александро-Невского монастыря и сохранила свое компактное положение. Согласно Генеральному межеванию, проведенному на той территории к 1791 г., Тесовская вотчина Александро-Невского монастыря была отнесена к Лугскому уезду вновь созданной Санкт-Петербургской губернии, тогда как Тесовская волость Коллегии экономии – к Новгородскому уезду.

Тесовская дворцовая волость была далеко не единственным территориальным образованием Московского государства, активно заселявшимся перебежчиками. Другой такой волостью была Силосарская, к западу от Ладоги⁴⁷. Значительное число выходцев селилось в Сомерской волости (где в 1649 г. был создан округ пахотных солдат, подобный такому же, какой создавался в Заонежье). Но только в Тесовской дворцовой волости, возникшей в результате заселения давно опустевших земель, сложившийся феномен имел также и этническую окраску. Документы, опубликованные Салохеймо, впрочем, не дают возможности последовательно, по годам реконструировать то, как заселялась именно Тесовская дворцовая волость; вместе с тем они указывают на Верхний Оредеж в целом (включая и дворцовые, и монастырские, и поместные земли) как на одну из зон, куда переселялись крестьяне из Ин-

---

⁴⁶ Именно этот район – часть территории Копорского уезда, примежеванная к Московскому государству в обход договоренностей в Столбово.

⁴⁷ Так, в 1680-е гг. выходцы из Нотебургского уезда заселяли д. Чаплин Остров Силосарской волости (*Гневушев А. М.* Новгородский дворцовый приказ в XVII в. М., 1911. С. 28–29).

германландии. По правде говоря, ничего не указывает именно на этническую атрибуцию этих переселенцев.

Именно крестьяне Тесовской дворцовой волости испытали на себе самый серьезный удар в ходе боевых действий Великой Северной войны. Переписная книга 1709 г. фиксирует волость полностью разоренной. Так описывается деревня Чаща: «По досмотру явилась вся пуста, а по скаске того погосту старосты Изота Сидорова и выборных волостных людей крестьяне тое деревни жили в 11 дворах, и в прошлом 1703 году неприятельские люди свейские тою деревню Чащу разорили, пожгли всю без остатку, и крестьян побили, а иных многих в полон взяли з женами и з детми»⁴⁸. А так описывается соседняя монастырская деревня Степанково: «По скаске того Зверина монастыря старосты Савы Петрова и волостных выборных людей вся пуста от походу Свейских людей, а крестьян з женами и детми бобиты и в полон побраны»⁴⁹. Поселенные на приграничных дворцовых землях беглецы из шведской Ингерманландии были разорены в ходе кампаний 1701–1703 гг. Не имевшие формального статуса солдат (как их товарищи, поселенные на дворцовых землях Сомерской волости) фактически они были военными поселенцами. В 1733 г. Тесовская дворцовая волость была передана Александро-Невскому монастырю,⁵⁰ а в 1775 г. отошла к Санкт-Петербургской губернии, тогда как все другие селения Климентовского Тесовского и Спасского на Оредеже погостов остались в Новгородской губернии.

Практика охраны границ с помощью поселенных вдоль границы государственных крестьян не была уникальной для государств Нового времени Восточной Европы. О существовании в целом сходной модели в Ливонии в конце XV в. вскользь пишет М. Б. Бессуднова, упоминая т. н. «сторожевые поместья» (*wartgufer*), существовавшие на восточной границе Ливонии уже в 1460-е гг.⁵¹ Кроме того, этнографические исследования типологически близкого явления были зафиксированы на территории современного Себежского района Псковской области в 1950-е годы. Экспедиция Института этнографии АН СССР исследовала тогдашнее русско-белорусско-латвийско-эстонское пограничье; что было нехарактерно для 1950-х гг., поскольку задачей экспедиции было изучение национально-религиозных особенностей данной территории. В

---

⁴⁸ Переписная книга помещичьих, вотчинных, монастырских и дворцовых крестьян, церковнослужителей Воцкой пятины Новгородского уезда А. Н. Селиванова. 1709 // РГАДА, Ф. 1209 Оп. 1. Д. 8576. Л. 67.

⁴⁹ Там же. Л. 184 об.

⁵⁰ Именной указ, данный Сенату об отдаче Александро-Невскому монастырю в вечное владение вотчин Старорусского Иверского монастыря, некоторых дворцовых волостей и отписных у князя Долгорукова, взамен взятых у одного монастыря и приписных к дворцовому ведомству волостей Толмачевской, Дорской и Охонской. 1733. 11.06 // Полное собрание распоряжений и узаконений по ведомству православного вероисповедания. СПб., 1898. Т. 8. С. 351–352.

⁵¹ Бессуднова М. Б. Россия и Ливония в конце XV в. Истоки конфликта. М., 2015. С. 16.

Себежском районе была выявлена группа малоземельных крестьян-католиков, считавших себя потомками шляхты, в царствование Екатерины II записанной в государственные крестьяне. Исследователи этнографы действительно связали эту религиозно-этническую группу с поселенцами на границе Великого княжества Литовского, такими же, как и поляки Латгалии, деревни, населенные которыми, были также обследованы экспедицией⁵².

---

⁵² Ганцкая О. А., Лебедева Н. И., Чижикова Л. И. Материальная культура русского сельского населения западных областей (во второй половине XIX – начале XX в.) // Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР (Тр. ИЭ. Т. 57). М., 1960. С. 6–7.